
Глава 12

ПУТЬ К ТЕРРОРУ

Летом политика по отношению к реальной и потенциальной контрреволюции в Петрограде заметно ужесточилась. Убийство Володарского, устранение сдерживающего влияния левых эсеров, всплеск активности антибольшевистских элементов, в том числе тайных агентов Антанты, возросший после убийства Мирбаха риск германской оккупации и постоянно растущая угроза голода и эпидемий, — все это представляло угрозу существованию Советской власти. Помимо прочего, свое давление на Петроград усилила Москва, требующая от кадрово-истощенного города все новых и новых людей — от партийных деятелей до неквалифицированных рабочих — чтобы пополнять ряды продотрядов, занятых добыванием хлеба в деревне, и Красной армии, защищающей Советскую Россию на фронтах гражданской войны.

Эти угрозы росли с астрономической скоростью. В начале мая красновское казачество стало вновь набирать преобладающую силу в Донской области, которая в течение всего лета оставалась очагом мятежа и сопротивления Советской власти. Южнее, на Кубани и Северном Кавказе, упрочила свои позиции Добровольческая армия Деникина и Алексеева, а высадка экспедиционных сил союзников на северо-западе, в Мурманске и Архангельске, возродила страх скорой оккупации Петрограда — не немцами, так Антантой.

Но самая, по-видимому, большая угроза Советской власти исходила с востока, от восставших частей Чехословацкого корпуса, соединившихся с белыми антисоветскими движениями на огромной территории вдоль Транссибирской магистрали. 8 июня при поддержке самых западных эшелонов корпуса близкими к эсерам войсками (будущей «Народной армией») была захвачена Самара. Там возглав-

ляемые эсерами делегаты Учредительного собрания сформировали антисоветское национальное правительство — Комитет членов Учредительного собрания, или Комуч, который объявил себя наследником власти Учредительного собрания.

Запутанная, временами кровавая история борьбы за гегемонию на востоке, которую в конце лета и осенью вели между собой, главным образом, эсеровский Комуч и более консервативно настроенные силы из числа бывших эсеров и белого офицерства, осевшие в Омске, и которая завершилась зимой созданием реакционного правительства во главе с адмиралом Александром Колчаком, не является предметом нашего внимания (1). Достаточно просто отметить, что до того как в сентябре 1918 г. поддержанное чехами наступление «Народной армии» вдоль Волги было окончательно остановлено, она успела захватить Казань, расположенную менее чем в 800 км к юго-востоку от Москвы; что на пике своей власти Комуч контролировал Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую и часть Саратовской губернии; и что примерно в это же время существовала реальная возможность установления контакта между войсками союзников и чехословацкими частями и их одновременного похода на Москву и Петроград. Эта перспектива активизировала контрреволюцию в Петрограде, вызвала раздражение у немцев и сильно напугала серьезно ослабленные большевистские власти в бывшей столице. Сползание в «красный террор» в Петрограде и других российских городах в конце лета 1918 г. было обусловлено опасной ситуацией, сложившейся в результате этих угрожающих событий. Другие факторы, часто называемые в качестве причин террора, такие как давление со стороны Ленина, убийство Володарского и Урицкого и покушение на самого Ленина, играли менее существенную роль (2).

* * *

Весной и в начале лета 1918 г. Володарский занимал пост комиссара по делам печати, агитации и пропаганды в СК ПТК, а затем в СК СО. Как комиссар по делам печати, он руководил репрессиями против оппозиционных газет. В середине июня он также был главным организатором фальсифицированных большевиками выборов в Пет-

роградский Совет и редактором радикально-большевистского издания Петросовета — «Красной газеты». Все это делало его привлекательным объектом нападок со стороны врагов большевизма, наряду с Зиновьевым и Урицким. В то же время, для рядовых рабочих, тех, кто продолжал поддерживать большевиков как гарантов пролетарской власти, Володарский был одним из самых популярных партийных деятелей Петрограда.

Володарского убили 20 июня (3). Если это убийство, совершенное неизвестным, имело целью усилить антибольшевистские настроения среди разочарованных Советской властью заводских рабочих, то в определенной степени замысел сработал, так как совпал по времени с гневной реакцией моряков Балтийского флота на казнь Щастного и рабочих Обуховского завода на арест их лидеров. Окончившееся неудачей совместное выступление минеров и обуховцев случилось в считанные дни после убийства Володарского. Однако рост враждебности по отношению к Советской власти был, похоже, не самой расхожей реакцией на сенсационное убийство. Судя по наблюдению «Новой жизни», которая тогда была настроена очень критично к большевикам, весть о смерти Володарского потрясла большинство рабочих соседних предприятий и усилила опасность беспорядков (4).

Коллеги Володарского из редакции «Красной газеты» требовали отомстить за убийство своего лидера немедленным объявлением массового террора (5). Одновременно некоторые районные организации большевиков высказывали обеспокоенность по поводу роста активности врагов Советской власти и выражали желание свести с ними счеты (6). Кроме того, утром 21 июня к Зиновьеву в Смольный одна за другой шли рабочие делегации с требованием ответить на убийство Володарского немедленными репрессиями, а не ждать, «пока наших вождей поодиночке перебьют». Однако, как утверждал Зиновьев, руководство не спешило идти на поводу рабочих: «Мы боролись против этого настроения... мы требовали, чтобы никаких эксцессов не было» (7). Чтобы обсудить раскалившуюся обстановку, в тот же день (21 июня) на экстренное заседание собрался исполком Петроградского Совета. Как сообщали «Новые ведомости», все соглашались, что необходимо не допустить суда Линча (8).

Гроб с телом Володарского, выставленный для прощания в Таврическом дворце Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург

Несколько дней спустя о сдержанной позиции Петрограда стало известно Ленину. Взбешенный, он немедленно отправил Зиновьеву, Лашевичу и другим членам Петроградского бюро ЦК и ПК резкую телеграмму: «Только сегодня мы услыхали, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы удержали [их]... Это не-воз-мож-но!» (9). Тем не менее, еще какое-то время Урицкому удавалось пресекать эксцессы. В то же время, убийство Володарского, последовавшее за выступлениями моряков-минеров и рабочих Обуховского завода, продемонстрировало нужность таких потенциально мощных специальных органов безопасности, как ПЧК. Убийство, таким образом, положило конец набиравшей обороты кампании за отмену ПЧК (10). Ответить на послание Дзержинского от 24 июня, в котором он писал о недопустимости отмены ПЧК, было поручено практически не функционирующему органу — Президиуму СК ПТК. 2 июля он проинформировал ВЧК, что сведения о ликвидации ПЧК не соответствуют действительности (11).

* * *

Преемником Володарского на посту комиссара по делам печати, агитации и пропаганды стал Николай Кузьмин, ранее бывший редактором «Петроградской правды». К концу июня, когда Кузьмин уже возглавлял комиссариат, СК СО расширил его полномочия в сфере борьбы с оппозиционной прессой (12). К этому же времени относятся первые, пока еще робкие, попытки Петербургского комитета большевиков вмешаться в работу властных органов. ПК выразил претензию, что с ним не посоветовались насчет кандидатуры Кузьмина, что он был недоволен работой последнего в «Петроградской правде» и опасается, что тому не хватит твердости в полной мере использовать данные ему полномочия (13). Обсудив на заседании 12 июля работу комиссариата по делам печати, ПК принял резолюцию, утверждающую, что несмотря на жесткие заявления нового комиссара, конкретных шагов в отношении оппозиционных газет сделано не было, и призывающую принять более энергичные меры против них. Своего рода вехой в отношениях между партийным и советским руководством Петрограда стало выдвижение Петербургским комитетом одного из наиболее уважаемых своих членов, Моисея Харитонова, в качестве собственной кандидатуры на пост комиссара по делам печати — при условии, что он будет работать под постоянным контролем ПК. В связи с этим, Самойловой и Залуцкому было поручено провести переговоры с Зиновьевым о назначении Харитонова и обсудить вопрос о закрытии буржуазных газет с Кузьминым (14).

В начале следующего заседания ПК 18 июля Кузьмин представил план работы своего комиссариата (15). Так как большинство членов ПК выступало за одновременное закрытие всех сразу буржуазных изданий, а план Кузьмина подразумевал более постепенный, поэтапный подход, было принято решение поставить вопрос о судьбе буржуазной прессы на обсуждение на ближайшем заседании исполнкома Петроградского Совета. Резолюция ПК предусматривала, что на этом заседании представитель ПК будет «настаивать на принятии самых решительных мер по отношению к буржуазной печати как к злейшему классовому врагу пролетариата». Одновременно в районах пройдут партийные собрания, на которых будет разъясняться необходимость полного подавления буржуазной печати и будут

выдвинуты требования сделать это. Резолюция ПК содержала также беспрецедентное условие, что «комиссаром печати и пропаганды останется т. Кузьмин, но ПК обязывает его делать еженедельные отчеты ПК и изменить тактику по отношению к буржуазной печати» (16). Кузьмин впоследствии ужесточил свою политику (17).

* * *

Несмотря на то, что после убийства Володарского аресты в оппозиционной среде усилились, Урицкому удавалось противостоять как нажиму со стороны тех, кто требовал разрешить ПЧК проводить расстрелы, так и распространенной в Москве практике удержания именитых политических заключенных в качестве заложников — для расстрела в случае новых покушений на жизнь советских лидеров. Среди известных политических фигур, арестованных ПЧК в то время, был Николай Кутлер — бывший высокопоставленный царский чиновник, один из лидеров кадетской партии и депутат от Петербурга во Второй и Третьей Государственных думах. Арестованный 23 июня, он уже через два дня был отпущен. По сообщениям в газетах, поводом для ареста послужили перехваченные письма, которые он писал зарубежному товарищу и которые показались подозрительными следователям ПЧК. Однако Урицкий, ознакомившись с ними, не нашел в них ничего предосудительного и велел Кутлера отпустить (18).

Неделю спустя после ареста Кутлера среди ночи был поднят с постели, арестован и доставлен на Гороховую, 2 бывший премьер-министр России Владимир Коковцев. Его арест, продлившийся около недели, был также вызван перехваченными подозрительными письмами, на сей раз — перепиской между контрреволюционерами, которые, не ставя его в известность, обсуждали возможность назначения его премьер-министром постсоветского правительства. Поездка Урицкого в Москву, на Пятый съезд Советов, отсрочила рассмотрение дела об освобождении Коковцева. Допрос состоялся 7 июля, и в тот же день Коковцев вышел на свободу. В своих мемуарах он описывал проведенный Урицким допрос как долгую утивую беседу, в равной степени затрагивавшую такие темы, как его отставка

с поста премьера в 1914 г. и его впечатления о Николае II, как и собственно вопросы, связанные с его арестом (19). Похожая ситуация была и с Александром Амфитеатровым — известным прозаиком, литературным критиком и журналистом, яростным противником большевиков, арестованным ПЧК 24 июня. Два дня его задержали на Гороховой, 2, после чего отпустили. В «Новых ведомостях», газете, в которой он тогда работал, он охарактеризовал свою беседу с Урицким не как допрос, а, скорее, как политический диалог. Урицкий интересовался такими вопросами, как его отношения с Григорием Алексинским и другими плеядовцами (20), его внешнеполитической ориентацией (Германия или союзники), его литературным и газетным творчеством, источниками финансирования «Новых ведомостей». После обсуждения всех этих вопросов Урицкий сказал Амфитеатрову, что он может идти.

Все сказанное не означает, однако, что для арестантов пребывание на Гороховой, 2 летом 1918 г. не было унизительным и тяжелым испытанием, или что сотням других, часто менее именитых политических узников, повезло так же, как Кутлеру, Коковцеву и Амфитеатрову. Их описания не оставляют сомнения в этом. И уж точно не вызывает сомнений то, что антисанитарные условия в переполненных петроградских тюрьмах были куда хуже, чем в импровизированных камерах на Гороховой, 2 (21). Приведенные примеры просто должны показать, что в ту пору, когда в Москве ЧК уже вовсю расстреливала классовых врагов, когда там и в других городах набирал силу «красный террор», и даже в Петрограде Кузьмин брал заложников, Урицкий продолжал противостоять волне экстремизма (22).

Конечно, петроградские власти предприняли ряд репрессивных мер, чтобы предотвратить всеобщую забастовку, намеченную Собранием уполномоченных, и навсегда покончить с этой организацией. Однако я не нашел свидетельств того, что ПЧК арестовала лидеров Собрания уполномоченных, — в отличие от ВЧК в Москве, которая сначала, в июне, арестовала нескольких членов делегации Собрания уполномоченных, а 22 июля еще и участников разгромленного ею регионального Рабочего съезда (23). Даже после убийства Мирбаха, несмотря на официальное одобрение массового террора Пятый Всероссийским съездом Советов, Урицкий стремился избежать ненужного кровопролития в Петрограде (24). Вместо этого он сосредото-

чился на подавлении конкретных контрреволюционных заговоров. Так было в случае с антисоветским заговором в Михайловской артиллерийской академии (25). Его руководители оставались на свободе, под пристальным наблюдением, до 11 июля, когда они усилили приготовления к насильственной антиправительственной акции. Только тогда двенадцать из них были арестованы (26).

* * *

Первые три месяца 1918 г., пока шли переговоры о мирном договоре в Брест-Литовске и кипели страсти вокруг его ратификации, правительства Великобритании, Франции и США делали все возможное, чтобы убедить руководство Советской России не выходить из войны. Таковы были мотивы, стоявшие за назначением в январе на пост специального британского посланника в Петрограде Брюса Локхарта (27). После того как договор был подписан, союзные державы еще какое-то время играли на опасениях Советского правительства по поводу масштаба германских притязаний в России, пытаясь так или иначе втянуть его в сотрудничество, которое привело бы к возобновлению военных действий на Восточном фронте. Такое поведение было продиктовано страхом — который, по понятным причинам, сильнее всего ощущался во Франции, — что затянувшееся затишье на востоке сведет на нет военные успехи союзников на западе, и что немцы могут прорваться к Парижу.

К концу весны 1918 г., по мере роста уступок немцам со стороны большевиков, стало ясно, что от Советской России ждать возобновления военных действий не приходится. С этого момента западные союзники, особенно британцы и французы, начали оказывать поддержку — вначале, прежде всего, денежную — различным антибольшевистским движениям, выступавшим за продолжение войны с Германией до победного конца. Локхарт через старого друга вышел на Бориса Савинкова, который, как он знал, планировал организовать убийства ведущих деятелей большевистского руководства в ночь предполагаемой высадки союзников в Архангельске и, воспользовавшись народным недовольством по поводу голода, установить военную диктатуру (28). Кроме того, в июле Локхарт, вместе с фран-

цузами, постепенно перевел значительные средства в распоряжение генерала Алексеева, начальника политического отдела Добровольческой армии и одного из главных кандидатов на пост диктатора (29).

В первые дни марта, еще до подписания Брестского договора и ужесточения советской позиции в отношении союзников, примерно 170 британских морских десантников высадились в Мурманске, чтобы обеспечить охрану военного имущества союзников. В начале июня подразделение десантников было усилено дополнительным контингентом из 600 британских солдат. Вскоре между ними и военнослужащими Красной армии стали происходить столкновения. Однако вопрос о военной интервенции в Россию еще вызывал у союзников сомнения и разногласия. Особенно это касалось Вашингтона, где президент Вудро Вильсон был принципиально против предоставления американских войск для участия в операции в России. Но и Франция, для которой было жизненно важно отразить германское наступление на западе, с трудом могла себе позволить направить значительные силы для совместных действий Антанты в России. Таким образом, общая численность вооруженных сил союзников, которые они могли выделить для интервенции в Россию, была относительно невелика. 2 августа, после того как президент Вильсон неохотно согласился направить американский контингент для ограниченных операций на русском Севере, примерно 1200 британских и французских солдат плюс горстка американцев высадились в Архангельске (30). По мнению Ричарда Ульмана, чье исследование о ранних англо-советских отношениях остается самым авторитетным в этой области, оккупация Архангельска 2 августа знаменует собой начало союзнической интервенции в Россию. Войска союзников под общим командованием генерала Фредерика Пула помогли создать в Архангельске антибольшевистское правительство во главе с почтенным старым народником Николаем Чайковским (31). Тем не менее, из-за малочисленности собственных сил союзники возлагали надежды на соединение с частями Чехословацкого корпуса, чтобы реализовать свои цели в северо-западной России, но достичь этого им не удалось.

Помимо прочего, свои плацдармы в Мурманске и Архангельске союзники использовали как временные зоны для создания и подготовки русских вооруженных формирований, способных воевать с большевиками и немцами. В этой связи британцы специально выделили

средства на то, чтобы привлечь к службе в создаваемых на севере частях безработных бывших офицеров русской императорской армии и флота, а также технических специалистов (пилотов, инженеров, железнодорожников, взрывников и т. п.). Тайные операции в рамках этого проекта, который в ПЧК окрестили «Делом набора белогвардейцев на Мурман», все лето проводились в Москве, Вологде, Петрограде и других городах на западе России. Естественным центром этих мероприятий стал Петроград, а капитан Кроуми, который к этому моменту превратился в убежденного сторонника мощной антисоветской интервенции союзников в Россию, помогал финансировать их (32). Значительное число набранных добровольцев представляли оппозиционеры из советских структур и красноармейских частей Петрограда; в Петрограде же проходили подготовку новобранцы, прибывающие с юга (33).

Но и с учетом местных вооруженных формирований, союзные экспедиционные силы были слишком слабы для ведения серьезных наступательных операций. Тем не менее, советские лидеры какое-то время переоценивали их мощь. В условиях, когда молодая Красная армия, не успев окрепнуть, уже была истощена кампаниями против белочехов на востоке, казаков Краснова на Дону и Добровольческой армии Деникина и Алексеева на Кубани, близкая перспектива беспрепятственного наступления интервентов на Вологду, Москву и Петроград не могла не пугать большевиков. В своих воспоминаниях Аркадий Борман, сын известной деятельницы кадетской партии Ариадны Тырковой-Вильямс, бывший тогда тайным агентом белогвардейской разведки в Советском правительстве, писал о крайней панике, которой в первые дни после оккупации Архангельска было охвачено большевистское руководство, включая Ленина (34). В Петрограде тревога по поводу неминуемого вражеского вторжения — немцев или Антанты — достигла уровня, не виданного с времен оккупации Пскова в феврале или кризиса, связанного с фортом Ино, в мае (35).

В июне–июле 1918 г. угроза делу революции, которую представляли успехи белых и чехов, заставила петроградские власти активизировать начатые во время «кризиса Ино» попытки организовать всеобщее военное обучение большевиков и рабочих (36). В конце июня эта угроза также стала причиной призыва в Красную армию московских и петроградских рабочих 1896–1897 гг. рождения (рас-

ширенного месяца спустя еще на три года, 1893–1895 гг. рождения) (37). Негативное влияние этого призыва на петроградскую партийную организацию большевиков и на безопасность Советской власти в Петрограде было многократно усилено отдельной директивой ЦК о «массовой мобилизации» в Красную армию членов партии с опытом боевых действий. Среди высокопоставленных петроградских большевиков, получивших приказ отправиться на фронт, были Лашевич, Иван Бакаев и Петр Залуцкий — соответственно, член Петроградского бюро ЦК партии, секретарь исполкома Петросовета и комиссар труда СК СО. Массовый призыв новобранцев и партийная мобилизация в Красную армию наложились, к тому же, на набор рабочих и партийцев в продовольственные отряды (38). К началу августа ПК большевиков был решительно настроен не отпускать больше «ответственных» партийных товарищей на службу в Красной армии (39). Угроза Петрограду, которую представляла высадка союзников в Архангельске, а также беспокойство, вызванное внезапным переездом из Москвы в Петроград германского посольства и опасными маневрами германского флота в Финском заливе, упрочили эту позицию.

В августе и сентябре на подступах к Кронштадту и Петрограду были устроены новые минные поля, а части Балтийского флота были приведены в полную боевую готовность (40). Кроме того, петроградские власти, следуя примеру Москвы, пытались обезопасить себя, устраивая облавы на бывших царских офицеров и видных гражданских деятелей, подозреваемых в симпатиях к союзникам. Через несколько дней после высадки союзных войск в Архангельске капитан Кроуми телеграфировал британскому Адмиралтейству, что за два предыдущих дня в Петрограде арестованы семь тысяч офицеров и гражданских лиц, и что он пытается договориться об освобождении офицеров за деньги (41). Самому Кроуми удалось избежать ареста: когда за ним пришли, он успел выбраться через крышу (42).

* * *

В короткие сроки характер деятельности Кроуми в Петрограде изменился: от руководства эвакуацией союзнического имущества, от попыток организовать в нужный момент взрыв Балтийского флота

и от обеспечения переброски на север, в помощь союзническим войскам, русских офицеров он перешел к переманиванию на свою сторону латышских стрелков, бывших прежде своего рода советской преторианской гвардией, и к финансированию и «объединению трех крупных антибольшевистских групп» с очевидной целью свержения Советской власти в Петрограде (43). После убийства Мирбаха Кроуми уничтожил свои шифры, что лишило его возможности эффективной связи с Лондоном (44). Он надеялся, что генерал Пул, верховный командующий экспедиционными силами союзников в России, снабдит его какими-то инструкциями. Однако этого не случилось (45). Проблема была еще в том, что тайная деятельность агентов из разных разведывательных служб, представленных в британском посольстве, строго разграничивалась, поэтому Кроуми был вынужден полагаться в основном на собственные силы и средства. Советские власти уже продемонстрировали свое пренебрежение к тонкостям дипломатического иммунитета, так что Кроуми приходилось вести существование беглеца, то и дело меняющего укрытие (46). Его тесные связи с представителями бывшей знати в это время, возможно, укрепили его приверженность к восстановлению монархии или военной диктатуры в России (47). Среди прочих факторов, которые могли подтолкнуть Кроуми в сторону контрреволюции, были его личные наблюдения разрухи, связываемой с большевистским правлением; его растущая убежденность не только в том, что большевики находятся под немецким контролем, но и что «германец» скоро оккупирует Петроград; а также его растущее взаимодействие с активными контрреволюционерами вообще. Несомненно, как отмечают другие исследователи, действиями Кроуми двигал прежде всего патриотизм, стремление, как метко выразился Ричард Ульман, «сохранить Россию ненемецкой» (48). В конце концов, он был британский офицер, преданный своему делу профессиональный военный, и Британия была в состоянии войны с Германией. Однако в обстановке, сложившейся в Петрограде к концу лета 1918 г., его патриотические цели оказались неразрывно связаны со свержением Советской власти.

Нелегальная деятельность Кроуми к тому времени активизировалась. Среди «белогвардейских» заговорщиков, с которыми он поддерживал сотрудничество в августе, были два тайных агента ЧК, Штекельман и Сабир. Штекельман убедил Кроуми, что в его распо-

ряжении имеются 60 тысяч финских белогвардейцев и еще 25 тысяч латышей и что у него есть возможность контролировать железнодорожное, телефонное и телеграфное сообщение для поддержки союзнической интервенции на севере, нейтрализации германских сил в Финляндии и, если потребуется, совместного мощного похода на Петроград. Сабир же, насколько известно, заверил Кроуми, что солдаты, охраняющие по ночам бронетехнику большевиков, работают на него, и что, опираясь на них и на батальон преданных ему белых офицеров, он мог бы взять на себя «приготовления» внутри Петрограда (то есть, переворот, который должен был произойти одновременно с наступлением союзников с севера) (49).

Кроуми был настолько уверен в надежности Штекельмана и Сабира, что попытался свести их с представителями других контрреволюционных групп, которые он финансировал. Более того, он поручил Сабиру организовать взрыв главного моста через Неву в случае германского наступления на Петроград из Финляндии (50). Локхарт, который в ту пору снабжал деньгами скандально известного Сиднея Рейли, высокопоставленного сотрудника британской службы внешней разведки, который вознамерился в одиночку подготовить и осуществить ликвидацию центрального советского руководства (51), имел, по крайней мере, общее представление об этой деятельности. В «Секретном и конфиденциальном меморандуме о предполагаемом союзническом заговоре в России», который Локхарт подготовил для британского министерства иностранных дел вскоре после своего возвращения в Лондон в ноябре 1918 г., он подчеркнул, что был в теплых отношениях с Кроуми и знал, что Кроуми и Эрнст Бойс, номинально возглавлявший британскую разведку в России, были вовлечены в деятельность нескольких контрреволюционных организаций в Петрограде и тратили на них значительные суммы денег (52).

* * *

В своей книге «Британский агент» Локхарт признал, что интервенция союзников стала косвенной причиной «красного террора» (53). В этом признании было зерно истины. К концу июня, когда ради-

кально настроенные петроградские рабочие впервые потребовали введения «красного террора», Урицкий в публичном выступлении уже связал убийство Володарского с совместной деятельностью союзников и правых эсеров (54). Впоследствии, по мере того как агенты Антанты, такие как Кроуми и Локхарт, усилили свою помощь контрреволюционным организациям, а союзническая интервенция превратилась в реальность, опасения населения по поводу оккупации Петрограда, не немцами, так союзниками, подогревались трескучей официальной пропагандой против империалистов, особенно британцев и французов. Протоколы заседаний районных комитетов большевиков не оставляют сомнения в том, что страх по поводу вражеского нападения и оккупации Петрограда был в ту пору вполне искренним. Даже готовность членов партии идти сражаться на фронт сдерживалась убеждением, что сначала необходимо сокрушить внутренних врагов, чтобы уберечь революцию в тылу (55).

На своем очередном заседании 23 июля Петербургский комитет большевиков со всей настойчивостью заявил о необходимости расширения политических репрессий. Основанием для этого шага, предвестником которого стала жесткая позиция ПК по отношению к оппозиционной печати неделей раньше, послужил пугающий доклад о размахе контрреволюционной активности в Василеостровском районе, представленный Александром Сергеевым и Сергеем Раппопортом, соответственно, председателем исполкома Василеостровского Совета и главой его судебно-следственного отдела. Согласно их данным, семнадцать тысяч бывших офицеров в районе, многие из которых относили себя к монархистам, принимали участие в организации контрреволюционного заговора. ПК отнесся к докладу очень серьезно. Была принята резолюция, протестующая против вялости действий правительства по обеспечению безопасности и указывающая на необходимость «применения Красного террора против попыток контрреволюционеров к мятежам на деле» (56).

С целью подтолкнуть осуществление на деле систематической программы массового террора ПК назначил на десять часов вечера того же дня совместное заседание с Петроградским бюро ЦК, пригласив на него Сергеева и Раппопорта (специально было оговорено обязательное присутствие Зиновьева, Зорина, Урицкого и Позерна, представлявших, соответственно, Петроградский Совет, Революци-

онный трибунал, ПЧК и военных) (57). Заседание состоялось в гостинице «Астория», в которой проживали большинство членов высшего партийного руководства и которую за близость к Гороховой, 2 часто называли «чекистским отелем». Судя по всему, ПК не удалось убедить большинство в необходимости осуществления программы «красного террора» или хотя бы снятия запрета на расстрелы, установленного СК ПТК в апреле. Однако аресты подозрительных контрреволюционеров, некоторых из которых ждала судьба заложников, участились (58).

В период военной угрозы начала августа появились многочисленные признаки того, что Урицкий сдает свои позиции приверженцам «красного террора» как в СК СО, так и в руководстве ПЧК. Одним из них было распространение практики удержания арестованных офицеров и гражданских лиц в качестве заложников. Классовая ненависть, разжигаемая наиболее радикально настроенными большевиками из редакции «Красной газеты», из ПК и из районных партийных организаций, нашла отражение в работе Второго съезда Советов Северной области, состоявшегося в Смольном 1–2 августа. По сравнению с Первым съездом, проходившим в конце апреля, контраст был разительным. Первый областной съезд Советов был относительно свободным форумом, на котором большевики и левые эсеры вели споры по фундаментальным вопросам (59). Второй же съезд был не столько трибуной для серьезного обсуждения ключевых вопросов, сколько политическим митингом, подобным тому, во что превратились к тому времени пленарные заседания Петроградского Совета. Численность присутствовавших на съезде гостей: депутатов Петроградского и Кронштадтского Советов в полном составе, делегатов районных конференций Советов, членов Петроградского совета профсоюзов, красноармейских и флотских комитетов, центрального и районных комитетов железнодорожников, — превышала численность собственно делегатов съезда. Лихорадочно возбужденные после зажигательных речей Свердлова и Троцкого, оказавшихся в это время в Петрограде, участники съезда приняли предложенную большевиками резолюцию «О текущем моменте», подготовившую почву для осуществления программы массового террора. «Советская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее», — гласила резо-

люция. Следовательно, отныне «массовое вооружение рабочих и напряжение всех сил для военного похода против контрреволюционной буржуазии с лозунгом «смерть или победа» — таков наш общий лозунг» (60).

Президиум Второго съезда Советов Северной области, 1 августа 1918 г. Сидят: Урицкий, Троцкий, Свердлов, Зиновьев и Лашевич. Стоят: Харитонов, Лисовский, Корсак, Восков, Гусев, Равич, Бакасев и Кузьмин. Институт истории Российской Академии наук, Санкт-Петербург.

Эта резолюция подразумевала и восстановление внесудебных расстрелов контрреволюционеров — практики, которую ВЧК проводила и пропагандировала, начиная с февраля. Воплощенный в резолюции призыв к массовому террору был немедленно одобрен, по крайней мере, некоторыми районными Советами Петрограда (61). По признанию Зиновьева, которого теперь называли «вождем» Петрограда, сам он стал сторонником «красного террора» после убийства Володарского, но от воплощения этой идеи на практике его удерживала позиция Урицкого, а также, по всей вероятности, Прошьяна и Крестинского. Как уже отмечалось, сдерживающее влияние Прошьяна,

как и петроградских левых эсеров вообще, исчезло в июле, после убийства Мирбаха. В середине августа уехал в Москву назначенный наркомом финансов Крестинский. В итоге, Урицкий оказался в рас тущей изоляции как в СК СО, так и в руководстве ПЧК.

Результат этой ослабленной позиции не замедлил сказаться. На заседании 17 августа СК СО издал декрет, дающий право ПЧК расстреливать лиц, виновных в контрреволюционной агитации, а также в целом спектре иных политических и экономических преступлений, по своему усмотрению (62). Самое большее, что мог сделать Урицкий, это оговорить условие, что любое решение о расстреле должно быть принято коллегией ПЧК единогласно (63).

Решение о переходе к расстрелам на практике было принято коллегией ПЧК 19 августа. Урицкий спорил долго и упорно. Одно из самых интересных описаний трений, которые происходили в это время между Урицким и его коллегами по руководству ПЧК, содержится в книге С.Г. Уралова, написанной в хрущевскую эпоху. Оно не подкреплено документально, но якобы основано на неопубликованных воспоминаниях некоего молодого чекиста из числа «горячих голов», члена коллегии ПЧК. В своих воспоминаниях этот чекист давал понять, что уже в период подготовки к заседанию коллегии 19 августа на Урицкого постоянно оказывалось давление. «Все чаще и чаще стали поговаривать о необходимости расстрелов. Неоднократно перед т. Урицким ряд товарищей на официальных заседаниях и в частных беседах поднимали вопрос о красном терроре». По свидетельству мемуариста (в изложении Уралова), когда по решению СК СО вопрос о расстрелях был поставлен на голосование в коллегии ПЧК, против выступил один Урицкий. Свою позицию он объяснял практическими соображениями. Однако, после того как коллегия решительно отвергла его аргумент о контрпродуктивности расстрелов, он воздержался от голосования по вопросу о судьбе двадцати одного политического и уголовного преступника, с тем чтобы воля большинства восторжествовала (64). Все двадцать один были расстреляны два дня спустя, 21 августа. Показателен состав этой первой группы жертв ПЧК. Девять человек были расстреляны за совершение уголовных преступлений, из них четверо — бывшие комиссары ПЧК. Остальные двенадцать были политическими заключенными, арестованными в основном по обвинению в ведении контрреволю-

ционной агитации среди красноармейцев. Среди них были шесть из двенадцати арестованных в июле участников заговора в Михайловской артиллерийской академии, в том числе бывший офицер Владимир Перельцвейг (65). Казнь последнего имела серьезные последствия, прежде всего, для Урицкого.

Дух насилия по отношению к политической оппозиции, утвердившийся в Петрограде к моменту первых расстрелов ПЧК (21 августа), зафиксировала резолюция, принятая Пятым съездом Советов Петроградской губернии. «В каждой деревне и в каждом уездном городе мы должны провести коренную чистку, — заявлялось в резолюции. — Контрреволюционных офицеров и всех вообще белогвардейцев, замышляющих вернуть власть богатым, надо уничтожать беспощадно» (66). Неделю спустя, 28 августа, пленарное заседание Петроградского Совета сделало еще один шаг в направлении официального провозглашения «красного террора» — в ответ на предполагаемую попытку покушения на жизнь Зиновьева. Воспользовавшись неподтвержденными слухами о том, что пару дней назад какой-то человек подозрительного вида разыскивал Зиновьева в гостинице «Астория», чтобы его убить, Совет принял резолюцию, в которой решительно заявил: «Если хоть один волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках... Мы истребим поголовно вождей контрреволюции» (67). Похожую резолюцию Петроградский Совет принял 22 июня, после убийства Володарского. Однако та резолюция явно была просто предупреждением. В обстановке, сложившейся к концу августа 1918 г., едва ли можно было усомниться в том, что новая резолюция была констатацией политики.

* * *

Утром 30 августа 1918 г. по дороге на работу, в комисариат внутренних дел на Дворцовой площади, был убит Урицкий. Подробности убийства и драматическая история задержания убийцы во всей полноте раскрываются на страницах объемного чекистского дела (68). Урицкого застрелил Леонид Каннегисер, двадцатидвухлетний бывший кадет Михайловской артиллерийской академии и талантливый

поэт, известный в петроградских литературных кругах (среди его друзей были Марина Цветаева и Сергей Есенин) (69). Что касается его политических убеждений, то в 1917 г. Каннегисер, судя по всему, был народным социалистом и пылким сторонником Керенского, но на многочисленных допросах в ПЧК он отказался признать свою принадлежность к какой-либо партии в 1918 г. и упорно настаивал, что действовал в одиночку. ПЧК установила, что после Октябрьской революции он имел связи с контрреволюционными заговорщиками группами (70). Однако сделанный ею вывод о том, что убийство Урицкого было частью крупного внутреннего и международного заговора против Советской власти, не подтверждается никакими данными, имевшимися в распоряжении ПЧК. Перельцвейг, расстрелянный ПЧК в числе прочих 21 августа, был близким другом Каннегисера. Каннегисер не мог знать ни о том, что Урицкий был стойким противником расстрелов вообще, ни о его безнадежных попытках в последний момент остановить казнь Перельцвейга и его товарищей, в частности. Имя Урицкого стояло на приказе о расстреле, опубликованном в прессе, и Каннегисер, по его собственному признанию, решил отомстить за смерть друга (71). Как выразился Марк Алданов, «гибель друга сделала его террористом» (72). За свой поступок Каннегисер был расстрелян. Однако, к неудовольствию следователей ПЧК, остальные 144 человека, проходившие по его делу, включая мать, отца, сестер и большое количество друзей и знакомых, чьи имена фигурировали в его записной книжке, «красный террор» пережили и были отпущены (73).

Леонид Каннегиссер. Фото из личного архива автора

опубликованном в прессе, и Каннегисер, по его собственному признанию, решил отомстить за смерть друга (71). Как выразился Марк Алданов, «гибель друга сделала его террористом» (72). За свой поступок Каннегисер был расстрелян. Однако, к неудовольствию следователей ПЧК, остальные 144 человека, проходившие по его делу, включая мать, отца, сестер и большое количество друзей и знакомых, чьи имена фигурировали в его записной книжке, «красный террор» пережили и были отпущены (73).

Похороны Урицкого 1 сентября 1918 г. Второй справа, стоит — Зиновьев, четвертый справа, в плаще — Молотов Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург

Об убийстве Урицкого было немедленно доложено Ленину, и он приказал Дзержинскому не мешкая отправиться в Петроград и самому возглавить расследование. Перед отъездом Дзержинского Ленин послал ему документы, касающиеся контрреволюционной деятельности, которые предполагалось опубликовать на следующий день. В сопроводительной записке к ним Ленин спрашивал Дзержинского, не имеет ли смысл произвести аресты в месте, обозначенном в этих документах. Это, по мысли Ленина, дало бы возможность ВЧК «найти нити и связи контрреволюционеров». Явно имея в виду убийство Урицкого, он подчеркнул, что «здесь (едва ли не впервые) есть официальное удостоверение связи стреляющих с партией социалистов-революционеров» (74).

Однако на двух заводских митингах, на которых он выступал позже в тот же день, 30 августа, Ленин ни словом не упомянул ни убийство Урицкого, ни возможный арест эсеров, ни официальное

объявление государственного террора (75). Возвращаясь с последнего выступления на заводе Михельсона, он едва избежал смерти, подвергшись второму покушению на свою жизнь (первое произошло в январе 1918 г. (76)). Убийца стрелял несколько раз. Одна пуля поразила Ленина в грудь, другая прошла через левое плечо и застряла в шее. Его госпитализировали в критическом состоянии. Пока врачи боролись за его жизнь, вся партия большевиков затаила дыхание.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Глубокий и всесторонний анализ этой борьбы и ее итогов см. в книге *Geoffrey Swain The Origins of the Russian Civil War — London — New York, 1996* Р 186–205, 219–246

2. Об убийстве Урицкого и попытке покушения на Ленина см. ниже

3. См. выше, глава 9

4. Новая жизнь (Петроград) 1918. 21 июня

5. Ильин-Женевский Большевики у власти С 105 Ильин-Женевский был тогда членом редакции «Красной газеты».

6. Например, общее собрание членов большевистской партии Выборгского района, заслушав доклад члена ПК Егоровой об убийстве Володарского, поклялось отвстить на «белый террор» беспощадным классовым «красным террором» — ЦГАИПД Ф 2 Оп 1 Д 1. Л 2

7. Новая жизнь (Петроград) 1918 23 июня. С 3, Петроградская правда 1918 27 июня. С 2

8. Новые ведомости 1918 22 июня С.4.

9. Ленин В.И. Полный собр. соч Т 50 С 106

10. См. выше, глава 10

11. ЦГА СПб Ф 143. Оп.1 Д 49 Л 49.

12. Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области Вып 1 Ч 1. С 290

13. Заявления о недостатках в работе «Петроградской правды» звучали на заседаниях ПК большевиков 7 мая и Дзержинского совета 21 мая — См. соответственно, ЦГАИПД Ф.1 Оп 1 Д 64 Л.12 и Ф.4000 Оп 7 Д 820 Л 101–102.

14. ЦГАИПД. Ф 4000 Оп.4. Д.814. Л 198

15. Там же Л 200

16. Там же.

17. В отчете о проделанной работе Второму съезду Советов Союза коммун Северной области, датированном 1 августа, Кузьмин перечислил 15 оппозиционных газет, закрытых им, и назвал пятерых главных редакторов и издателей, которых он задержал в качестве заложников — Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области Вып 1 Ч.1. С 292

18. См., напр., Новый вечерний час 1918 26 июня С 1

19. Коковцов В.Н. Из моего прошлого Воспоминания 1903–1919 гг — Париж. 1933 С 445–462

20 «Отец русского марксизма» Георгий Плеханов и бывший большевик Алексинский во время революций 1917 г и до смерти Плеханова в мае 1918 г сотрудничали в право-социалистической группе «Единство» и были непримиримыми врагами большевизма

21 См Новые ведомости 1918 16 июля С 7, где помещен содержательный и относительно взвешенный очерк, описывающий тюрьмную жизнь на Гороховой, 2 в это время По поводу отвратительных условий содержания заключенных в печально известных «Крестах» см статью председателя Выборгского районного Совета большевика Давида Трилиссера, заглавленную им «Нельзя молчать» — Северная коммуна 1918 4 декабря С 1

22 В Москве чекистские расстрелы были в это время обычным делом

23 См выше, глава 9

24 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 31 Л 57 Официально одобренное террора содержалось в большевистской резолюции о политике ВЦИК и Совнаркома, принятой Пятым съездом Советов 5 июля — Пятый Всероссийский съезд Советов .. С 98

25 См выше, глава 7.

26 АУ ФСБ СПб и ЛО № 47037 Л 42–43, 44–46об, 64–70об, ЦГАИПД. Ф 2. Оп.1
Д 4 Л 9об

27 См выше, глава 6

28 TNA PRO, FO 371/3332/92708, FO 337/3332/95780

29 TNA PRO, ADM 137/4183, unnumbered

30 Главные американские силы численностью примерно 4500 чел высадились в Архангельск 15 сентября спустя, 4 сентября. — *George F. Kennan. Soviet-American Relations, 1917–1920 Vol 2 The Decision to Intervene* — New York, 1967 Р 379

31 *Richard H. Ullman Anglo-Soviet Relations, 1917–1921 Vol 1 Intervention and the War* — Princeton, 1961 Р.235–237

32 *Cromie. Letters [on Russian Affairs]* Р 129, TNA PRO, FO 371/3307/137793 Кроуми начал отстаивать необходимость «немедленной широкомасштабной интервенции» ближе к концу мая (TNA PRO, ADM 137/1731 Р 70–71) Последующие события убедили его в том, что ждать дальше нельзя В телеграмме от 24 июня он передал своему руководству призыв к немедленной интервенции, исходивший от некоего Виноградова [в оригиналес Vinogradoff], которого Кроуми называл «нашим главным агентом» и с которым был полностью согласен, что «масштабная интервенция есть единственное, что может спасти ситуацию [от полного подчинения России Германии] что на местные силы полагаться нельзя, если только не придать каждому подразделению в укрепление минимум 25% войск союзников» — TNA PRO, FO 371/3286 Р 337

33 См «Дело набора белогвардейцев на Мурман» в АУ ФСБ СПб и ЛО № 10940 Т 1–6, Антипов Н Очерки о деятельности Петроградской чрезвычайной комиссии //Петербургская правда 1919 5 января С 2–3

34 Борман А А Москва-1918 (из записок секретного агента в Кремле) //Русское прошлое Книга 1 1991 С 138–139

35 См, напр., ЦГАИПД Ф 457 Оп 1 Д 1 Л 1 Как показал Винфрид Баумгарт, причин для этого беспокойства было предостаточно — *Winfried Baumgart Deutsche Ostpolitik 1918 Von Brest-Litovsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges* — Vienna-Munich, 1966 Р 56–57

36 Напр., см ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 165, 183, 195, 196

37 Декреты Советской власти Т 2 С 507

38 См выше, глава 10

39 Так, на заседании ПК 2 августа было решено «ответственных членов» на чехо- словацкий фронт больше не посыпать, а запросить Собрание организаторов выделить для военной службы рядовых большевиков, не занятых на серьезной партийной или советской работе — ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 210

40 Беспокойство по поводу действий германского флота в заливе отразилось в срочном обмене телеграммами между элементами Балтийского флота, а также между штабом флота и центральным командованием и Наркоматом по военно-морским делам в Москве См РГА ВМФ Ф п-852 Оп 1 Д 28 Л 15, Ф п-342 Оп 1 Д 145 Л 170, 179–180, 183, 187, Ф п-2, Оп 1 Д 161 Л 109, 161, Ф п-96 Оп 1 Д 62 Л 13–30, Ф п-50 Оп 1 Д 15 Л 15, 24, 25, 32, 35, 41, 44, 48

41 TNA PRO, ADM 137/1731 P 121

42 *Cromie. Letters [on Russian Affairs]* P 131

43 TNA PRO, FO 337/88/137

44. Ibid. О трудностях со связью после уничтожения Кроуми шифров можно судить по многочисленным телеграммам TNA PRO, FO 371/3330 P 157–267 *passim*. В письме своему шефу, адмиралу Холлу, от 26 июля Кроуми объяснял, что после убийства Мирбаха он был не в состоянии отправлять или получать письма и телеграммы и считал неблагородным вести каких-либо записи «Наш главный план, — писал он, имея в виду, видимо, уничтожение Балтийского флота, — в полном порядке» «Конечно, несколько опасно делать столько дел одновременно, — добавил он, — но, думаю, у меня достаточно друзей, чтобы вытащить меня, даже если дело дойдет до побега». — *Cromie Letters [on Russian Affairs]* P.128–129

45 TNA PRO, FO 337/88/137

46 *Cromie Letters [on Russian Affairs]* P 131–133

47 См., напр., Ibid P 132

48 *Ullman Intervention and the War* P 186

49 TNA PRO, ADM 223/637 P 83

50 Ibid

51 О подрывной деятельности Сиднея Рэйли в это время см. *S. Reilly: Britain's Master Spy. The Adventures of Sidney Reilly* — New York and London, 1933 P 1–63, *Richard Spence. Trust No One. The Secret Life of Sidney Reilly* — Los Angeles, 2003 P 200–229

52 TNA PRO, FO 371/3348/190442

53 *Bruce R H Lockhart British Agent* — New York — London, 1933 P 308

54 Новая жизнь (Петроград) 1918 23 июня С 3, Петроградская правда 1918 23 июня С 3

55 См., напр., гневную резолюцию, принятую общим собранием большевиков Василеостровского района 9 августа — ЦГАИПД Ф 4 Оп 1 Д 2 Л.14об-15.

56 Там же Ф 4000 Оп 4 Д.814 Л 208

57 Там же Ф 1 Оп.1 Д 128 Л 7

58 Прокатившаяся волна арестов нашла отражение и в эмигрантской литературе. Так, например, Коковцев вспоминал: «До 21-го июля все шло сравнительно спокойно, но с этого дня начались повальные аресты кругом. Каждый день только и приходилось слышать о захвате либо того, либо другого из знакомых». Коковцев В.Н. Из моего прошлого. С 463

59 См. выше, глава 10

60. Северная коммуна. 1918 2 августа. С 3 Частичную стенограмму этого съезда см. в ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 3

61 См., напр., резолюцию, принятую Василеостровским районным Советом 6 августа — Там же Ф 47 Оп 1 Д 26 Л 72об

62 Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области Вып. 1 Ч 1 С 132

63 Уратов С.Г. Моисей Урицкий. Биографический очерк. Л., 1962 С 116

64 Там же

- 65 Красная газета. 1918 22 августа С 1 О Персльцвейгс и заговоре в артиллериийской академии см глава 7 Об июльских арестах см глава 10
- 66 Стенографический отчет о работе пятого съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии — Пг , 1918 С 112
- 67 Северная коммуна 1918 29 августа С.2
- 68 ЦА ФСБ РФ № Н-196
- 69 Портрет личности Каннегисса в изображении Марка Алданова, который его хорошо знал, см. Алданов М Картинны Октябрьской революции, исторические портреты, портреты современников, загадка Толстого — СПб , 1999 С 124–131, 140–144
- 70 Это подтверждает и Алданов Он вспоминал, что весной 1918 г , после подписания Брест-Литовского договора, Каннегиссер участвовал в каком-то самодельном заговоре, нацеленном на свержение большевиков — Алданов Указ соч С 129–130.
71. ЦА ФСБ РФ № Н-196 Т 1 Л 45–49
- 72 Алданов Указ соч. С 129, 141
- 73 ЦА ФСБ РФ № Н-196 Т 1. Л 3–6
- 74 В И Ленин и ВЧК Сборник документов (1917–1922 гг.). — М., 1975 С 84–85
- 75 Ленин В И Полный собр. соч Т 37 С 81–85
- 76 См выше, глава 3.